

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

О значении Мори Огай и Нацумэ Сосэки для современной японской литературы

Вместо предисловия

С. Х. Булацев

(Библиотека Академии наук России)

(Санкт-Петербург)

Для обозначения понятия, соответствующего понятию "классическое" западной традиции, в Японии используется слово *котэн* (古 典, кит. *гудинь*), которое буквально означает "древние книги, трактаты". В самой форме этого слова закреплена необходимость временного отстояния произведения или творчества какого-либо автора от современности для того, чтобы оно могло быть "объективно познано в его непреходящем значении"[1, с. 353]¹, чтобы могло занять место в традиционной системе ценностей. Таким образом, уже в языке формально закрепляется неприменимость к современному автору или произведению тех же мерок, что и к старинному или древнему. В отношении к современным явлениям, не прошедшим "фильтрации"² временем, действуют другие законы. Это проявляется, в частности, в почти полном отсутствии в речи о современных авторах и произведениях оценочно-иерархических эпитетов, подобных тем, к которым мы привыкли, например, в русском языке: "гениальный", "великий", "выдающийся", "известный", "талантливый" и т. д.

Вышесказанное, на наш взгляд, вполне относится и к современной японской литературе, явлению для культуры Японии новому, качественно отличному от того, что в области словесного творчества ей было известно ранее. Кроме того, трудно с уверенностью говорить о том, насколько прочно представление об этом явлении установилось в Японии даже наших дней. С этим связано и первое затруднение, испытываемое любым, кто хочет представить современного японского писателя зарубежному, — в частности, русскому — читателю. Необходимость эпитетов-"ярлыков" вообще, конечно, не бесспорна. Однако исследователя, как и просто интересующегося, их отсутствие ставит перед конкретной проблемой — проблемой приоритетов в изучении: с кого начать, кому уделить больше внимания? Чтобы отвечать на эти вопросы, приходится обращаться не к установившемуся местоположению писателя в традиционной системе ценностей, а к такой более внешней, "количественной" характеристике его творчества, как популя р н о с т ь . Но при этом мы оказываемся перед необходимостью различать, с одной стороны, уровень известности писателя и изученности его творчества в Японии и, с другой стороны, — за рубежом, поскольку эти два уровня далеко не всегда соответствуют друг другу. (Здесь следует указать и на такой объективный фактор, как непереводаемость оригинальности — в частности, стилистической — сочинений японских авторов вообще — соотношения творчества писателя и сложившейся литературной традиции, что для восприятия его соотечественников играло и играет едва ли не важнейшую роль).

И все же, несмотря на отсутствие окончательной определенности в иерархическом положении современных японских писателей, мы можем выделить среди них нескольких, чьи имена пользуются в Японии бесспорно наи-

Японская литература нового времени

большей известностью и чей вклад в развитие японской литературы уже сейчас можно назвать непреходящим. К ним относятся Мори Огай (1862—1922), Нацумэ Сосэки (1867—1916), Акутагава Рюноскэ (1892—1927), Кавабата Ясунари (1899—1972). Сравнив писателей этой четверки по известности, мы вновь обнаружим несоответствие между Японией и остальным миром: если на Западе явный приоритет отдается последним двум именам, то на родине писателей мы видим едва ли не обратную картину. Нужно согласиться с В. С. Гривниным в том, что прежде всего творчество Акутагава "способствовало тому, что японская литература влилась в общий поток мировой" [2, с.5]. И, конечно, не случайно в 1968 году Кавабата, вторым из азиатских писателей (после Тагора) был удостоен Нобелевской премии в области литературы "за писательское мастерство, которое с большой силой выражает суть японского образа мышления". Произведения этих двух писателей, твердо опиравшихся на почву японской традиции, стали известны и во многом близки читателям во всем мире, в том числе и в нашей стране.

Огай и Сосэки, не менее известные на родине, в мире не прользуются такой широкой популярностью, хотя их произведения также переведены на многие языки, в том числе, на русский. Причины такой сравнительно малой популярности их творчества интересны сами по себе и могут стать объектом отдельного исследования. Однако прежде всего нас интересует вопрос о значении их наследия для японской литературы. Здесь нам на помощь приходит японское литературоведение и обыденное сознание японцев. Дело в том, что в последнее время не только в специальных работах³, но и в школьных пособиях⁴ Огай и Сосэки стали называть *бунго* (文豪, кит. *вэньхао*) — "корифей литературы, выдающийся писатель, классик, мастер кисти"⁵. Эпитет этот старинный и вполне "вписывается" в традиционную систему оценок, причем эта оценка в ней — высшая⁶. Присвоение этого эпитета Огай и Сосэки представляется весьма симптоматичным, позволяя с большой степенью уверенности говорить о них как о первых классиках современной японской литературы и, следовательно, о том, что в ней уже появился сам феномен классического⁷.

Огай и Сосэки, стоящих на одной и, как мы выяснили, высшей ступени по значимости для современной литературы, часто сравнивали и сравнивают⁸. Опыт такого сравнения может стать поучительным во многих отношениях. Здесь мы считаем нужным подчеркнуть прежде всего то, что литературная деятельность обоих писателей не была творчеством в рамках уже сложившегося феномена литературы, а являлась созданием, вместе с художественными образами, образа самой этой литературы. Не случайно, говоря об их наследии, часто вместо слова "произведения" употребляют слово "литература" (*бунгаку*): "Огай бунгаку" ("литература Огай"), "Сосэки бунгаку" ("литература Сосэки"). Прежде всего образ новой литературы создавался самими произведениями: почти о каждом литературном сочинении того времени можно сказать, что, помимо других моментов художественного содержания, оно заключало в себе представление автора о том, что есть литература. Однако в представление о феномене новой литературы входили и другие составляющие: каким должен быть писатель, его жизненная позиция, даже — образ жизни, язык литературы, отношение ее к действительности и др. Сравнивая Огай и Сосэки, мы обнаруживаем между ними больше различия, чем сходства по этим вопросам. По самому широкому жанровому определению произведения обоих писателей принадлежат к *сёсэцу* (小説, кит. *сяошо*), т. е. — к прозе, в том же

виде, который разрабатывался новой литературой. Однако в авторской позиции и в соответствующих ей формальных особенностях, жанровых корнях их сочинений очевидны различия.

Так, например, хотя произведения обоих автобиографичны, у Огай это автобиографичность заинтересованного участника событий, которому для рассказа больше подходит форма, напоминающая повествования из средневековых эпопей *гунки*, исторические хроники (*сидэн*, кит. *шичжуань*) или жизнеописания (*дэнки*), а то и прямо заимствованная из их; у Сосэки же, хотя почти все его романы имеют ясно выраженный сюжет, они написаны чаще всего словно сторонним наблюдателем и по форме, по ритму и напряженности повествования близки скорее к таким традиционным бессюжетным жанрам, как *никки* (дневники) и *дзуйхицу* (эссе). (Произведения последних двух жанров также есть у писателя и занимают важное место в его наследии).

Жанровым предпочтениям авторов соответствуют и отличия в языке их прозы: если Огай, в особенности в своих исторических произведениях, тяготел к письменному, традиционно применявшемуся в исторических документах и хрониках насыщенному китаизмами, названиями старинных реалий, непросто для чтения языку, то Сосэки писал языком новым для японской литературы — приближенным к разговорному, простым и ясным для читателя (что во многом способствовало и способствует популярности Сосэки в Японии).

В том, что касается образа писателя, который создавали своим отношением к творчеству и к жизни Огай и Сосэки, чаще всего противопоставляют "любительство" первого и "профессионализм" второго. (Огай был военным врачом, и дослужился до генеральского звания, Сосэки окончил английское отделение литературного факультета и до начала профессиональной писательской деятельности преподавал литературу, писал литературоведческие работы). Однако это противопоставление представляется не совсем корректным: для обоих писательство не было с самого начала основным занятием. Первый, сразу принесший ему широчайшую популярность роман "Вагахай-ва нэко дэ ару" ("Ваш покорный слуга кот", 1905) был сочинением любителя⁹, который лишь впоследствии был настолько увлечен своим любительским занятием, что сделал его профессией, сменив место работы. Огай службы не оставлял, но "любительство" и его привело к самоотдаче такой профессиональной степени, что это стало причиной неприятностей на месте официальной службы. (Об этом см. подробнее в публикуемой ниже статье Г. Д. Ивановой). По "установке", непосредственности интереса к творчеству их обоих можно назвать любителями, но по отношению к делу, по уровню мастерства это были настоящие профессионалы.

Более интересно в образах двух этих писателей, думается, различие в их личной связи с окружающими людьми, в том, модели каких отношений между личностью писателя и современниками создали своей жизнью Огай и Сосэки. Путь, по которому шел Огай, можно назвать "путем мастера-отшельника", путь Сосэки — "путем мастера-наставника". Огай был замкнут по натуре и прямых учеников не оставил. Едва ли не единственным и безусловно главным средством передачи духовного опыта стали для него сами художественные произведения. Сосэки, при том, что он, как и Огай, многого не принимал в современной ему Японии, не стал удаляться в "башню из слоновой кости". Он, буквально претворяя в жизнь собственное положение о том, что писатель "должен быть учителем жизни"¹⁰, собирал в своем доме учеников, вы-

ступал с лекциями, давал интервью, вел активную публицистическую деятельность.

Перечисленные выше различия между двумя писателями (а их можно было бы назвать много: сюда относятся и разное семейное воспитание, и различие в их отношении к официальной службе, а также разные страны, в которых им довелось жить, разные роли, которые эти поездки сыграли в их жизни и творчестве и т. д.) могут служить, на наш взгляд, материалом не столько для противопоставления их, сколько — для взаимного дополнения и обогащения образа писателя в современной японской литературе, придания ему универсальности и объемности. Две эти творческие личности, являвшиеся в полной мере носителями японской культуры и проявившие замечательные способности в восприятии культуры западной, сумели, каждый по-своему, выработать новое отношение к миру и найти такие средства для выражения своего нового видения, в которых традиция не только не была отринута, но, преобразованная, смогла свободно обратиться ко всему многообразию своих возможностей. Не даром учениками их обоих, в прямом или переносном смысле, можно назвать почти всех больших писателей современной Японии, начиная с Акутагава Рюноскэ.

Изучение творчества Мори Огай и Нацумэ Сосэки различно по продолжительности: если сочинения Нацумэ попали в поле зрения русского востоковедения сразу после появления его первого романа¹¹, а первый перевод его произведения на русский язык, сделанный Н. И. Конрадом, вышел в 1935 г., то начало серьезному изучению и переводу на русский язык произведений Огай фактически было положено в 1982 году монографией Г. Д. Ивановой [3]. Публикуемый ниже перевод исторической повести Огай и предпосланная ему статья об исторической прозе автора, несомненно, являются новым шагом в этом направлении. Перевод лекции, прочитанной Сосэки в привилегированном учебном заведении Гакусюин, открывает русскоязычному читателю его как педагога и публициста.

Примечания

1. История отношения к понятию классического в европейской культуре проанализирована в сочинении немецкого философа Х. Г. Гадамера "Истина и метод" (см. [1, с. 338—345]).

2. Термин Х. Г. Гадамера (см. [1, с. 353]).

3. Исследование Эсита Хирохико "Сосэки ёдзэ" ("Суттестивность Сосэки", 1987), например, представлено читателю как "рассказ о тайнах, позволяющий лучше узнать великого писателя" (бунго - о сирадзари хива), а книга сына Сосэки, Нацумэ Синроку "Тити. Нацумэ Сосэки" ("Отец: Нацумэ Сосэки", 1991) — как произведение, "открывающее подлинное лицо великого писателя" (бунго - о сирадзари сугао).

4. См., например, Сансэйдо гакусю кокуго хякка дзитэн (Учебный энциклопедический словарь японского языка издательства Сансэйдо. Токио, 1989, с. 937).

5. Японские словари, например, такой авторитетный, как "Дай канва дзитэн" ("Большой иероглифический словарь на японском языке"), составленный Морохаси Тэцудзи, в качестве самого старого источника, в котором встречается это слово, приводят трактат Чжу Си (1130—1200) "Сун мин чэнь янь син лу" ("Записи о речениях и деяниях знаменитых сановников династии Сун", законч. в 1172 г.).

6. Укажем, например, что в том же Учебном словаре (см. прим. 4) японцы относят это же определение ко Льву Толстому.

7. По крайней мере, в европейском смысле, т. е. — образцового, (см. прим. 1).

8. См., например, главу под названием "Мори Огай и Нацумэ Сосэки — черты сходства и различия" в монографии об Огай Г. Д. Ивановой [3, с. 109—116]. Там говорится, в частности, что "ни один исследователь Огай не обходится без его сопоставления с Нацу-

С. Х. Булацев. Вместо предисловия

мэ Сосэки, причем начало этому сопоставлению положил сам Огай, выведя в повести "Юноша" литератора Фусэки в качестве оппонента главному (и отчасти автобиографическому) персонажу"[Там же, с. 109].

9. Сосэки написал "Ваш покорный слуга кот" по просьбе своего друга поэта Такахама Кёси, бывшего главным редактором литературного журнала "Хототогису". Вот как он сам вспоминает об этом: "Когда Кёси-кун попросил меня: «Напиши-ка что-нибудь» — я ему сразу же и написал.<...> Так как дошло до того, что мои сочинения начали заполнять пустые места в журнале у Кёси — и он настаивал: «Обязательно пиши еще, пиши еще», — я продолжал, принося очередные главы, — и в десятый, и в одиннадцатый раз." [4, т. 8, с. 265—266].

10. Его высказывание по этому поводу взято из интервью с ним, опубликованном в журнале "Бунгэйкай" 1 сентября 1906 г. [4, т. 8, с. 267].

11. См.: Мендрия В. М. Отчеты оставленного при Восточном институте для приготовления к профессорскому званию по кафедре японской словесности В. Мендрия. Владивосток, 1909.

12. См.: Нацумэ Сосэки. Сердце. Пер. Н. И. Конрада. Л., 1935.

Литература

1. Гадамер Х. Г. Истина и метод. М., 1988.
2. Гривнин В. С. Акутагава Рюноске. М., 1980.
3. Иванова Г. Д. Мори Огай. М., 1982.
4. Нацумэ Сосэки. Сосэки дзэнсю (Полное собрание сочинений Нацумэ Сосэки). Токио, 1954—1956.

Сосэки Нацумэ

Мой индивидуализм

Сегодня я впервые пришел сюда, в Гакусюин¹. Конечно, я представлял себе Гакусюин приблизительно, но какой он на самом деле — не знал. А в помещение это я вошел, конечно, сегодня впервые.

Сейчас Окада-сан, знакомя нас с вами, уже немного сказал о том, что этой весной меня просили прочитать какую-нибудь лекцию, но тогда этому что-то помешало — Окада-сан, кажется, лучше меня помнит, что именно, и только что дал вам объяснения, думаю, вполне удовлетворительные. В общем, как бы то ни было, я должен был отказаться, но, понимая, что просто так отказаться было бы невежливо, я сделал оговорку, что приду в следующий раз. Тогда я, насколько помню, спросил у Окада-сан, когда будет этот следующий раз. Он ответил, что в октябре нынешнего года, и я, мысленно перебрав дни с весны до октября и подумав, что за такое долгое время уж точно смогу, решительно заверил: "Хорошо, мне подходит". Однако, к счастью или несчастью, я заболел и весь сентябрь провел, не вставая с постели². Тем временем пришел октябрь, на который была назначена встреча.

В октябре я уже стоял на ногах, но еще плохо на них держался, поэтому читать лекцию было для меня довольно сложно. Однако я не мог забыть об обещании и, как бы ни уверял себя, что приду и что-нибудь да скажу сегодня, в самой глубине души немного побаивался.

Тем временем, хоть и неверными шагами, я пришел к выздоровлению.

Однако октябрь прошел весь, до конца, а от вас не поступало никаких распоряжений. Я, конечно, не ставил вас в известность о своей болезни, но в нескольких газетах об этом что-то появлялось. Я предположил, что попросили прочесть лекцию кого-нибудь другого вместо меня, и успокоился.

Но тут опять появился — и опять неожиданно — Окада-сан. Он даже специально для этого надел сапоги. Возможно, потому, что в тот день, кажется, в самом деле шел дождь. И в таком виде он дошел до самого квартала Васэда³, чтобы сообщить, что означенная лекция перенесена на конец ноября и что они просят меня, как было условлено, прочесть ее. Я полагал уже, что уклонился от этой обязанности, и поэтому был слегка озадачен. Однако, поскольку оставался еще месяц в

запасе, подумал: "Мало ли что может случиться за это время?" — и опять ответил, что, видимо, смогу.

Как видите, с весны до конца октября и потом, до 25 ноября, у меня было вполне достаточно времени, чтобы рассказать вам что-нибудь связанное.

Но, поверьте, как только я чувствовал себя хоть немного хуже, мне становилось невыносимо трудно даже думать об этом. И в голову приходила ленивая мысль: "Ладно, стоит ли беспокоиться до 25 ноября?" В такой нерешительности и проходили у меня день за днем. И за два или три дня до того, как наконец наступила эта дата, у меня возникло тревожное ощущение, что надо бы что-нибудь придумать. Однако думать было тяжело, и в конце концов я провел это время, занимаясь рисованием. "Занимался рисованием" — звучит так, будто я делал что-то серьезное. На самом деле я рисовал какой-нибудь вздор, приклеивал к стене и дня по два, по три только и делал, что в одиночестве и задумчивости любовался им.

Вчера у меня был один человек и сказал, что эти картинки очень интересны. Нет, он сказал не "интересны", а что они производят впечатление написанных человеком в интересном состоянии духа. Тогда я поведал этому господину о "состоянии своего духа", сказав, что эти картинки написаны не от хорошего настроения, а — от плохого. Наряду с тем, как есть в мире люди, картины, мастерски написанные иероглифы и литературные сочинения которых — это плоды их радости, которые, не будь она выражена, сгнили бы, — есть и такие, у которых от безрадостности появляется желание хоть как-нибудь развеселиться, и они, взявши кисть, пишут картины или повести.

И вот что странно: часто мы можем видеть согласованность самых разных состояний духа, воплощенных в произведении. Но, поскольку я это заметил к слову и вопрос этот не имел отношения к теме нашей беседы, я не стал в него углубляться.

Как бы то ни было, в конце концов я провел все свое время, уставившись в эти странные картины, да так и не придумал, о чем я буду говорить в своей лекции.

Тем временем, наконец, настало 25-е число, и мне волей-неволей надо было появиться перед вами, иначе это было бы неловко. И, хотя я сегодня утром постарался собрать воедино кое-какие мысли, все равно, похоже, подготовка оказалась совершенно недостаточной. Конечно, мне будет очень трудно рассказывать так, чтобы вам понравилось, и я прошу вас, имея это в виду, запастись терпением.

Я не знаю, когда начались и как долго продолжаются эти ваши встречи⁴, но мне самому отнюдь не кажется странным обычай все время приглашать для проведения лекций людей из других мест. Однако думаю, что, с другой стороны, сколько бы, откуда бы и кого бы вы ни приглашали, слушать их интересные лекции, на которые вы так рве-

тесь, все равно, видимо, достаточно трудно. Ведь вам же, если я не ошибаюсь, не просто посмотреть на нового человека интересно.

Есть одна сатирическая история из тех, что я слышал от рассказчиков *ракуго*. Говорят, в давние времена два знатных *даймё* отправились в Мэгуро⁵ на соколиную охоту. Они носились на конях туда и сюда, вдоль и поперек и в конце концов проголодались. Да, на беду, не приготовили себе *бэнто*⁶ заранее, и слуги разбрелись кто куда — неоткуда было им взять пищу, чтобы утолить голод. Делать нечего — приехали они в грязную лачугу одного бедняка и приказали ему: "Ставь на стол, что есть". Тогда бедный крестьянин и его старуха пожалели их, пожарили сайру, какая была в доме, и предложили двум *даймё* кашу *мугимэси*⁷. Те двое прекрасно управились и с рыбой, и с кашей и покинули это место. Но и на следующий день запах вчерашней сайры так сильно бил им в нос, что они никак не могли забыть и ее вкуса. Тогда один из них пригласил другого, и они решили угоститься сайрой. Известие это застало врасплох слугу первого. Однако противиться приказанию хозяина не приходилось. Он щипчиками для волос удалил из сайры тонкие косточки, замочил ее в *мирин*⁸ или в чем-то другом, слегка поджарил и предложил гостю и хозяину. Однако, хоть ни аппетит, ни желудки у тех не стали меньше, когда они притронулись к этой закуске, которая из-за чрезмерной старательности в приготовлении потеряла вкус сайры, она совсем не показалась им вкусной. Конец истории такой: два *даймё*, переглянувшись, сказали что-то странное, вроде: "Да-а, видно, сайра водится только в Мэгуро".

И мне думается, что, если занимаясь в стенах такого прекрасного учебного заведения как Гакусюин, каждый день видя перед собой прекрасных преподавателей, вы, специально прождавшие лекции такого, как я, будете еще и слушать, то не от того ли это, что вы, пресытившись вкуснейшими деликатесами, захотели попробовать немного сайры из Мэгуро?

Здесь работает профессор Омори, он окончил университет, кажется, вместе со мной, а может быть, на год позже или раньше. Как-то этот Омори-сан сказал мне, что не знает, что делать с нынешними студентами, которые никак не хотят слушать его лекции, что его сильно беспокоит их недостаточно серьезное отношение к занятиям. И хотя, насколько я помню, это замечание относилось не к студентам вашего учебного заведения, а к студентам всех частных вузов, я все равно допустил тогда бестактность по отношению к Омори-сан.

Хотя мне сейчас стыдно даже повторять это, тогда я спросил его так: "В какой стране живут студенты, которые будут внимательно слушать лекции таких, как ты?" Возможно, тогда Омори-кун даже не совсем понял, что я хотел сказать. И сейчас, пользуясь случаем, я хочу предупредить неверное понимание моих слов: ведь в то время, когда мы учились, когда нам было столько же или чуть больше, чем вам сей-

час, мы были гораздо ленивее по сравнению с вами и, честно говоря, почти не слушали лекции наших преподавателей. Конечно, я говорю прежде всего о себе и о своей среде, и, возможно, за ее пределами такое не было распространено. Но, когда я сегодня оглядываюсь на прошлое, мне все же почему-то представляется, что все так и было. И каким примерным ни показалось бы мое поведение сейчас, внимательно слушать лекцию было совсем не по мне, я постоянно только и делал, что отлынивал и бездельничал. Я помню об этом и, глядя на добросовестность нынешних студентов, так же как и уважаемый Омори, не нахожу в себе смелости критиковать их. Теперь ясно, насколько невежливые слова сказал я тогда Омори-сан. И, хотя я сегодня пришел не специально для того, чтобы попросить прощения у уважаемого Омори, но поскольку представился такой случай, в присутствии всех вас приношу ему свои извинения.

Разговор повернул в неожиданное русло, и для того, чтобы снова вернуться к тому, о чем речь шла с самого начала, скажу в нескольких словах следующее.

Вы посещаете прекрасное учебное заведение, получаете наставления во всем от прекрасных учителей и каждый день слушаете их лекции по общим или специальным дисциплинам. И при всем этом вы специально приглашаете со стороны человека вроде меня и собираетесь слушать его лекцию, что наводит меня на мысль: а не напоминает ли это удовольствия *даймё* от сайры из Мэгуро, то есть, не желаете ли вы попробовать на язык что-то просто для вас необычное? Полагаю, на самом деле те вещи, которые вам говорят ваши постоянные преподаватели, чьи лица вы видите каждый день, по сравнению с тем, что говорят люди вроде меня, и интереснее, и полезнее. Возьмем даже меня. Думается, что, если бы я был вашим преподавателем, то, хотя бы потому, что в этом не было никакого нового интереса, вряд ли у такого большого числа людей оказалось бы столько рвения и любознательности, чтобы прийти и слушать мою лекцию. Разве не так?

Я делаю такое допущение не случайно.

Дело в том, что я — было это довольно давно — собирался однажды стать преподавателем Гакусюина. Правда, я решил пойти туда не сам, а по рекомендации одного знакомого, который там служил. В это время я был еще настолько легкомысленным, что вплоть до самого выпуска не имел понятия, каким образом буду зарабатывать себе на жизнь. Однако, в конце концов выйдя в свет, я обнаружил, что, если ждаться сложа руки, то деньги на пропитание сами не появляются. Речь шла уже не о том, становиться преподавателем или нет, а о том, что хотя бы куда-то надо было податься. Поэтому я, по совету своего знакомого, начал двигаться в направлении этого училища. Тогда на это место претендовал еще один человек. Однако то, о чем мне упорно твердил мой знакомый, звучало довольно обнадеживающе, и я сам, по-

чувствовав себя уже назначенным на должность, начал интересоваться, например, тем, во что должен быть одет преподаватель. Этот человек сказал, что в аудиторию нельзя показываться иначе, как в визитке. Я еще до того, как дело было решено, заказал себе визитку, хотя еще не очень хорошо представлял себе, где находится это училище — Гакусюин. И вот, совсем неожиданно, когда визитка была уже почти готова, с Гакусюином вышло полное фиаско. Вакансию преподавателя английского языка занял другой человек. Как его звали, я уже и забыл. Возможно, это оттого, что я не испытал тогда особой досады или чего-нибудь в этом роде. Кажется, это был человек, вернувшийся из Америки. Однако, если бы тогда этого приехавшего из Америки человека не взяли, и я по случайному везению, стал бы преподавателем Гакусюина и находился на этой работе по сей день, у меня не было бы случая получить такое вежливое приглашение и, в конце концов, прийти и выступить перед вами с этой высокой трибуны. В этом вряд ли можно сомневаться. Вы ждали этого случая с нынешней весны до ноября. Разве это не доказательство того, что ваш интерес ко мне, неудачливому кандидату в преподаватели Гакусюина, сродни любопытству к сайре из Мэгуро?

Теперь я хочу немного рассказать о своей жизни после неудачи с Гакусюином. Поскольку это естественно продолжает порядок моего сегодняшнего рассказа (которого я придерживался до сих пор) и потому, что я считаю это важной частью своей сегодняшней лекции, мне бы хотелось, чтобы вы услышали об этом.

Потерпев неудачу с Гакусюином, я, тем не менее, ходил только в визитке. Делать было нечего — ведь другой необходимой одежды у меня и не было. И куда бы, вы думали, я направился в этой визитке? В то время, в отличие от нынешнего, поступить на работу было очень легко. Казалось, куда ни пойдешь, — всюду найдешь подходящее место. Видно, все дело в том, что не хватало людей. И я даже получил почти одновременно приглашения на работу в *котогакко*⁹ и на высшие педагогические курсы. Поскольку я наполовину дал согласие старшему, который хлопотал за меня в *котогакко*, и на педагогические курсы тоже послал половинчатый ответ, положение мое оказалось странным. Я был молод, и не подумайте, что так уж сильно ругал себя за оплошности и неотесанность. Но вот устал я тогда — это правда. Мой старший знакомый, который был старшим преподавателем в *котогакко*, отчитал меня, когда я на приглашение оттуда ответил: "Что касается моего прихода туда, то у меня есть и другое приглашение, и я затрудняюсь в выборе". Тогда я был молод и из-за своей дурацкой вспыльчивости решил, что лучше бы уж отказаться об обоих приглашениях, и начал уже выполнять соответствующие формальности. И в это время получил от бывшего тогда директора *котогакко*, а сейчас, кажется, ректора факультета естественных наук в Киото, г-на Кухара, пригла-

шение зайти ненадолго в *котогакко*. Я тотчас же отправился и обнаружил там директора педагогических курсов Кано Годзиро, а также того своего старшего товарища, посредника, о котором я говорил. От них я услышал, что дело решено и, поскольку церемонии здесь разводить нечего, по их мнению, мне лучше отправиться работать на высшие педагогические курсы. Я не мог так, с ходу ответить "нет", поэтому ответил согласием. Однако не мог не подумать про себя, что это дело довольно обременительное. Надо сказать (хотя сегодня я понимаю, что так не годится) мне было не очень уж радостно думать о вещах вроде высших педагогических курсов. Во время первой встречи с Кано-сан я даже заколебался: "Если вы хотите, чтобы я стал педагогом, как Вы, то вряд ли это мне подходит". Кано-сан — мудрый человек. Он сказал: "Ну, раз вы так честно отказываетесь, я еще больше захотел, чтобы Вы к нам пришли". И — мы не расстались. Таким образом, я, которому в голову по неопытности даже не приходило алчное желание работать, например, в обоих учебных заведениях по совместительству, причинив некоторые хлопоты соответствующим лицам, решил, наконец, двинуться в сторону ВПК. Однако с самого начала не чувствовал себя достаточно подготовленным для того, чтобы стать выдающимся деятелем просвещения, поэтому был смущен и растерян. И опять Кано-сан говорил: "Вы слишком честны, поэтому у Вас возникают сложности". Наверное, это была его хитрость, но она, видимо, была мне полезна. Однако все равно я думал только о том, что это место мне не подходит. Если говорить честно и откровенно, тогда по мне было бы пойти в помощники к повару или кондитеру.

Год спустя я, наконец, отправился на службу в деревенскую среднюю школу. Эта средняя школа находилась в Мацуяма в провинции Иё¹⁰. Услышав о школе в Мацуяма, вы заулыбались. Возможно, вы встречали это название и в моей повести "Боттян"¹¹. В "Боттян" есть персонаж по прозвищу "Красная рубашка"¹². В свое время меня часто спрашивали, кого же я имел в виду. Кто же это? В то время в школе учителем литературы был я один, и, если признавать, что каждому персонажу в "Боттян" соответствует реальное лицо, то, следовательно, нужно признать, что "Красная рубашка" — это я. И я пользуюсь счастливым случаем, чтобы это сообщить.

В Мацуяма я прожил всего год. Тогда я пользовался там покровительством губернатора, но через некоторое время по обоюдному согласию мы расстались, и я покинул Мацуяма. На этот раз я твердо решил направиться в *котогакко* Кумамото¹³. Вот в таком порядке, сменив сначала среднюю школу на *котогакко*, а потом *котогакко* на университет, я стал постепенно преподавать. Вот только в начальную и женскую школы податься не пробовал.

В Кумамото я прожил довольно долго, и когда однажды в частной беседе меня спросили, не буду ли я против, если меня пошлют

на обучение в Англию от министерства просвещения, шел уже не первый год моей жизни там. Я тогда подумал, не отказаться ли мне. Потому что ведь это не принесет особенной пользы государству — ехать за границу такому, как я, не имея никакой цели. Но старший преподаватель школы, который передал мне намерение министерства просвещения, объяснил: "Это — их мнение, и вовсе необязательно тебе самому себя оценивать. Впрочем, как бы то ни было, думаю, лучше поехать". Да и сам я не был категорически против. Поэтому, согласно приказу, отправился в Англию¹⁴. Однако, как и следовало ожидать, ничего там сделать не смог.

Чтобы объяснить, в чем дело, думаю, надо немного рассказать о том, что я представлял собой тогда. Поскольку без этого рассказа первая часть моей лекции была бы неполной, послушайте, пожалуйста.

В университете я занимался английской литературой. Возможно, вы спросите, что это за вещь, английская литература? Вот и я, специально занимаясь ею, словно одержимый, пытался понять, что и как. В то время у нас преподавал человек по фамилии Диксон. Когда я читал ему стихи, прозу, писал сочинения, он брал меня за пропущенные артикли, а я боялся сделать ошибку в произношении. На экзаменах он задавал вопросы только о том, в каком году родился, а в каком умер Водсворт, сколько есть типов изданий Шекспира, или — просил перечислить в хронологическом порядке произведения Скотта. Вы — молодые и, наверно, в общих чертах можете себе это представить. Но у меня возник вопрос: неужели, в конце концов, это и есть — английская литература? Но на него нельзя ответить, если не отвлечься немного от английской литературы и не решить, что же такое литература. Едва ли я смогу решить это сам, — сказал я себе, — ведь мне в этом деле все так же ясно, как слепому, который подглядывает в замочную скважину. Поэтому я отправился в библиотеку, но сколько там ни слонялся, зацепиться ни за что не удалось. Оказалось, что не только моих собственных сил мало, но и написано об этом не очень-то много. Проучившись три года, я так и не узнал, что такое литература. Могу даже вам сказать, что в этом была главная причина моих душевных терзаний.

И в таком туманном состоянии духа я выпел в жизнь, наконец, стал преподавателем. К счастью, изучение языка — дело удивительное, и как-нибудь выкрутиться все-таки можно. Поэтому я и перебивался со дня на день без особых хлопот. Хотя в желудке и было пусто. Эта пустота, возможно, должна была сообщить мне большую решительность, но мне казалось, что повсюду таится отвратительно туманная неопределенность. Это было непереносимо. И, с другой стороны, у меня не возникало ни малейшего интереса к преподаванию, которое было моей профессией.

И я, "полупривстав", таким образом, постоянно ждал случая, чтобы "перекинуться" к своему истинному призванию. Но, куда бы я ни кидался, казалось ли мне, что там оно, или не казалось, — "перекинуться" никак не удавалось.

"Если уж я родился в этом мире, значит, мне надо чем-то заниматься. Но — чем мне лучше заняться?" — об этом у меня не было ни малейшего представления. Я был в оцепенении, точно полный сирота, заблудившийся в тумане. Кроме надежды на то, что должен же откуда-нибудь упасть хотя бы луч света, у меня было только одно еще желание: осветить хоть каким-нибудь фонарем хотя бы узенькую тропинку до моей цели. К несчастью, куда бы я ни посмотрел, все время оказывался в растерянности. Ничего не понятно. Я чувствовал себя совсем как в мешке, из которого никак не мог выбраться. "Вот если бы у меня оказалось хотя бы шило, я бы проткнул этот мешок в каком-нибудь месте, все бы увидели", — думал я, вконец отчаявшись, но, к сожалению, никто мне этого шила не давал; и сам я, тем более, его найти не мог. Мне оставалось искать ответ на вопрос, где же эта цель, лишь в самом себе, проводя в одиночестве унылые дни.

В такой неуверенности я окончил университет. Эта же неуверенность сопровождала меня при переезде из Мацуяма в Кумамото, и та же неуверенность, наконец, таилась на дне моего сознания, когда я отправился за границу. Однако посланный учиться за границу, я снова почувствовал себя в некоторой степени исполняющим долг. Поэтому я не щадя живота своего делал что мог. Но — какие бы книги я ни читал, — по-прежнему никак не мог выбраться из мешка. Не нашел я шила, чтобы проткнуть этот мешок, и исследуя улицы Лондона.

Я размышлял в своей комнате, которую снимал в недорогой гостинице. И решил, что, сколько ни читай книг, удовлетворения это не принесет. Но — для чего же тогда читать книги? Этому я никак не мог понять.

Тогда мне впервые пришло в голову, что самому надо как следует разобраться в том, что же такое литература, и никакой другой путь мне не поможет. Я решил, что хватит, отдавая предпочтение другим, словно перекасти-поле без корней, кататься туда-сюда.

Говоря о том, что отдавал предпочтение другим, я имею в виду манеру такого рода: дать другому вышить моего сакэ, а потом, выслушивая его мнение о напитке, поддакивать, независимо от того, верно это или нет. Если коснуться этого в разговоре с кем угодно и как бы невзначай спросить собеседника, что он думает, тот, с недоумением глядя на вас, ответит, что так делать нельзя. Однако на самом деле все обстоит иначе. Сейчас идут толки между людьми всех направлений: и Бергсоном¹⁵, и Эйкенем¹⁶, — и японцы, вторя им, тоже суетятся. В последнее время слепо следуют всему что угодно, если это сказано человеком с Запада, и кичатся этим.

Поэтому, неумеренно рекомендуя и расхваливая тех, чьи имена пишутся *катаканой*¹⁷, в своей трескотне они готовы призвать абсолютно всех стать такими же. То же было и со мной, говорящим эти слова. Например, прочитав у одного европейца критику на произведение другого европейца, совершенно не думая о том, прав критик или нет, понимаем мы сами его или нет, везде об этой критике распространяемся сверх всякой меры.

В общем, как о своих, болтаем о вещах, которые не волнуют нас, которые нельзя назвать нашей плотью и кровью, скорее это — поверхностно-механически усвоенные знания. Но все же — время есть время, и все принимают это. Но я, сколько бы меня ни хвалили, поскольку щеголял в одежде с чужого плеча, в глубине души не был спокоен, словно щеголял приделанными к плечам павлиньими перьями, не имея рук. И хотя пора щегольства постепенно минует, но, сколько бы ни прошло времени, у меня никак не возникает ощущения спокойствия. Например, если европейец восхищается красотой и благозвучием стихотворения, но для меня неочевидно то, что очевидно для него, если я так не думаю, мне ведь совсем не обязательно принимать его точку зрения. Я — японец, независимая индивидуальность, а вовсе не раб англичанина, а кроме того, необходимо иметь особое чувство собственного достоинства как представителю своего народа. И, вдобавок к этому, глядя на мир с позиции морали, которая во всем мире зовется простой честностью, я не должен изменять своим собственным взглядам.

Однако я изучаю английскую литературу. И обязательно чувствую себя не в своей тарелке всякий раз, когда то, что говорят критики из этой страны, противоречит моим мыслям. В конце концов, я пришел к необходимости задуматься над тем, откуда эти противоречия берутся. Обратившись к обычаям, нравам, привычкам, я увидел, что причины противоречий — в различии национальных характеров. Обычно ученые, смешивая литературу и науку, приходят к выводу, будто то, что нравится одному народу, обязательно должно нравиться и другому. Настаивая на том, что это неизбежно, они заблуждаются. Об этой ошибке сказать необходимо. Если даже нет возможности преодолеть эти противоречия, должна быть возможность их объяснить. Только объяснив их, мы сможем дать японскому литературному миру повод для надежды. Тогда я впервые осознал это. Это была запоздалая мысль, и говорить об этом очень стыдно, но ведь это так и было, и то, что я говорю вам, — не ложь.

Тогда, укрепив свою личную позицию, а вернее, заново обретя ее, я стал читать художественную литературу просто-таки в неограниченном количестве. Одним словом, наконец додумавшись до позиции предпочтения себя другим, для обоснования этой позиции я углубился в научные исследования и философские размышления. Сейчас

времена изменились, и мне наверняка удалось бы добиться понимания людей хоть сколько-нибудь думающих. Но тогда и я был слишком юн, и общество еще не так развито, поэтому мои старания не могли закончиться успехом.

Когда у меня в распоряжении оказались слова "предпочтение себя другим" (*дзико хонъи*), я стал намного сильнее. "Кто они, а?" — твердо спросил я. До сих пор с головой ушедший в себя, теперь я твердо решил сойти с этой дороги, и побудили меня к этому как раз слова "предпочтение себя другим".

Откровенно говоря, эти слова стали для меня новой точкой отсчета. Мне неприятно, когда мы, как сейчас, тащимся у других в хвосте и слишком много шумим. Поэтому я подумал, что, если мы сможем как следует выставить перед Западом свои доводы, которые они не смогли бы поколебать, то и нам будет хорошо, и они будут только рады. И решил сделать достижение этого — с помощью написания книг и другими способами — делом всей своей жизни.

Тогда мое беспокойство окончательно улеглось. И я со спокойным сердцем любовался мрачным Лондоном. Говоря образно, я словно после долгих лет мучений и упорства наконец раскопал своей киркой рудоносную жилу, или, если сказать по-другому, мне, словно бы человеку, до сих пор блуждавшему в тумане, вдруг в каком-то из направлений открылся путь, по которому надо идти.

Когда я понял это, прошло уже больше года после начала моей заграничной учебы. Поэтому мне было не до отшлифовки своей работы, волновало только, как бы, вернувшись на родину, получше соединить все те материалы, которые я все-таки смог собрать. То есть, я ожидал, что, когда я вернусь, у меня вдруг появится больше сил, чем было, когда я отправлялся за границу.

Однако возвращение — возвращением, но очень скоро возникла необходимость работать во имя хлеба насущного. Я работал и в *котогакко*, и в университете, а потом, поскольку денег не хватало, даже в одной частной школе — и в результате заработал неврастению¹⁸. После этого я оказался перед необходимостью публиковать в журналах разные пустяковые сочинения. Под влиянием различных обстоятельств я на полпути оставил работу, которую писал.

Моя книга "О литературе"¹⁹ — не столько память о той работе, сколько останки, напоминающие о ее провале. И притом — останки мертворожденного детища — или развалины недостроенных улиц разрушенного землетрясением города, который и до этого был не очень красив.

Однако мысль о себе, как об исходном, которая возникла тогда, не покидала меня. Более того, с годами она становилась все сильнее и сильнее. Моя деятельность как автора закончилась провалом, но твердая уверенность в том, что мое "я" — хозяин, а другие — лишь гости,

и сегодня придает мне чрезвычайную веру в себя и душевное спокойствие. И если сегодня мой дух заставляет меня продолжать жить, то это настроение связано с этой уверенностью. В сущности, возможно то, что я стою на такой высокой трибуне и читаю для вас эту лекцию, — следствие той же силы. До сих пор я рассказывал только о своем жизненном опыте, однако я по-стариковски надеюсь, что в этом рассказе вы найдете что-нибудь полезное и для себя.

Все вы получите образование и выйдете в большую жизнь. И тогда — возможно, пройдет еще много времени, возможно, сразу — вы начнете жить по законам реальной жизни. В любом случае, мне хочется надеяться, что с вами не повторятся те неприятности (даже если они будут другого сорта), через которые я уже однажды прошел. Вероятно, есть люди вроде меня, которые хотят пробиться через что-то, но им никак не пробиться, хотят ухватиться за что-то, но оно, к вящей их досаде, скользит в руках, словно лысая, как колено, голова. Среди вас те, кто сами пробивают себе дорогу в жизни, — уже исключение. Однако тех, кто следует за другими, довольствуясь этим, кто идет старыми, проторенными дорогами, конечно, нельзя назвать дурными людьми (если они руководствуются спокойствием своего духа и уверенностью в себе самих). Однако так или иначе, видимо, нужно, несмотря ни на что, двигаться к тому месту, путь к которому можно пробить только своей киркой. А в противном случае, если пробиться не удастся, человек должен будет провести всю жизнь в неуверенности, сидеть ему или стоять. Вот почему я так много говорю обо всем этом, а, конечно, вовсе не потому, что хочу сказать: "Учитесь на моем примере!". Но даже такой никчемный человек, как я, может думать о себе, что смог сам пройти по избранной дороге. И пусть вам эта дорога покажется в чем-то вздорной и ненужной. Это — ваше суждение, ваш взгляд, и от этого я несколько не пострадаю. Ведь сам-то я ею удовлетворен. Но — не поймите меня неверно, я не хочу наставлять вас на проторенный уже мною путь на том основании, что сам обрел на нем уверенность и спокойствие духа.

Как бы то ни было, но неприятности, подобные тем, что довелось пережить мне, полагаю, будут довольно часто встречаться и в вашей жизни. Но так или иначе, идти к чему-то, пока не добьешься, — человеку, который занимается наукой или получает образование, нужно ставить перед собой именно такую задачу — на всю свою жизнь или, по крайней мере, лет на десять-двадцать. "Ага, вот путь, по которому мне следовало идти. И я, наконец, добрался!" — только когда из самой глубины вашей души вырвется подобное восклицание, в ней может воцариться спокойствие. И разве вместе с этими возгласами сознание ваше не наполнится уверенностью в себе, которую нелегко будет сломить? Возможно, вы во многих областях уже достигли этого рубежа, но, если на середине пути вы изнеможете от тумана и мглы,

думаю, и тогда лучше, принося любые жертвы, двигаться вперед, пока не пробьешься к тому месту, где можно будет сказать: "Да, это здесь". Я не хочу сказать, что это нужно государству, и не хочу сказать также, что это нужно для вашей семьи. Но — разве это не абсолютно необходимо вам самим для достижения счастья? И если даже вы прошли весь путь, вроде моего, и ничего не нашли, все равно — в чем бы ни заключалось препятствие — двигайтесь вперед, пока не растопчете его. Конечно, двигаясь так, вы не будете знать, как вам лучше идти, поэтому ничего не остается, как только идти и идти до тех пор, пока не наткнетесь на что-нибудь. Я вовсе не хочу заставлять вас выслушивать что-либо похожее на нотации, просто я подумал, что это может помочь вам в достижении будущего счастья, кто знает. И тогда я не вправе молчать. Я подумал: когда дух в человеке — словно недоваренный, приготовленный не до конца трепанг, которому все равно — что так, что эдак, — разве сам человек не чувствует себя плохо?

Если вы говорите, что при этом чувствуете себя хорошо, ничего страшного. Если вы говорите, что неудовлетворенность уже проходит, это тоже нормально. Я молюсь о том, чтобы у меня все прошло поскорее. Однако вот уже больше тридцати лет, как я получил диплом, а ничего не прошло. Боль этих страданий, конечно, была притупленной, но ни от времени, ни от возраста мое ощущение этой боли не менялось. Поэтому людей, больных такой же болезнью, что и я, не покидает одно желание: "не продвигаться вперед так бесстрашно!".

И сейчас мне открылась истина: если я смог дойти до этого места, я могу здесь притулиться и отдохнуть. И здесь ко мне начало приходить чувство, что я могу достичь в жизни спокойствия духа и уверенности в себе.

Все, что я говорил до сих пор, было первой частью сегодняшней лекции. Теперь я намерен перейти ко второй ее части. Обычно считают, что в Гакусюин поступают люди с хорошим положением в обществе. И это, по всей вероятности, действительно так. По моим предположениям, ваше заведение посещают не такие уж бедные люди, скорее, это ученики из высших слоев общества. Если так, то из всего, с чем вы будете иметь дело в будущем, прежде всего, думаю, надо сказать о власти. Иными словами, когда вы выйдете в свет, вам придется использовать власть гораздо чаще, чем беднякам — в их жизни. Я говорил ранее, что заниматься делом до тех пор, пока чего-нибудь не добьешься в нем, необходимо для вашего счастья и спокойствия вашего духа. Но почему это ведет к счастью и спокойствию? Видимо, потому, что тогда ваша природная индивидуальность впервые сможет прочно занять свое место. Потому, вероятно, что по мере того, как вы, взявшись за это, будете постепенно продвигаться вперед, ваша индивидуальность будет все более и более развиваться. "Вот она, моя тихая

пристань!" — так вы сможете сказать, когда ваша работа и ваша индивидуальность будут соответствовать друг другу.

И в том же смысле, если мы попробуем обратиться к власти, о которой было упомянуто, то увидим, что власть — это инструмент для насильственного навязывания этой своей индивидуальности сознанию других людей. Или, если вам кажется, что "инструмент" — слишком решительно сказано, то — орудие, которое может использоваться в качестве такого инструмента.

Вслед за властью идет сила денег. Их в вашей жизни, несомненно, тоже будет гораздо больше, чем у бедняков. Если посмотреть с той же точки зрения на силу денег, то она — мощный инструмент, который может быть использован, чтобы соблазнять других людей во имя развития собственной индивидуальности.

Итак, сила власти и сила денег — это исключительно удобные инструменты, если хочешь в большей мере, чем бедные люди, оказывать на других влияние своей индивидуальностью и — в этом смысле — сбивать их с истинного пути. Владение этими силами — великое и поистине опасное дело. Я уже говорил, что (особенно, если речь идет о занятии наукой, литературой или тем, что вам интересно), когда вы достигнете места, где сможете обрести покой, только тогда ваша индивидуальность начнет развиваться. По правде говоря, это касается чрезвычайно многих вещей и далеко не ограничивается литературой. Я знаю двух братьев — старшего и младшего. В отличие от младшего, который любит посидеть дома, почитать книжку, старший — заядлый рыбак. И вот этот старший брат терпеть не может того, что младший все только сидит себе задумчиво в четырех стенах. Он считает, что это, в конце концов, заканчивается потерей любви к жизни — и, ничтоже сумняшеся, тянет младшего с собой на рыбалку. Тот ужасно не любит этого, однако брат насильно кладет ему удочку на плечо, всучивает корзину для рыбы и приказывает следовать за собой на рыбалку. Тот, зажмурившись, идет, не отставая от брата ни на шаг, вытаскивает каких-то дрянных карпов и, недовольный, возвращается. И разве этими своими действиями старший брат благотворно повлиял на индивидуальность младшего? Нисколько. Более того, из-за них у последнего появилась неприязнь к этой самой ловле рыбы. Итак, если рыбная ловля так совпадает с индивидуальностью старшего брата, что между ними не остается никакого зазора, то с индивидуальностью младшего брата она даже не соприкасается.

Этот пример, конечно, не о силе денег, он показывает, как используется власть для того, чтобы оказывать давление на других. Старший брат, подавляя своей индивидуальностью младшего, заставляет его удить рыбу. Конечно, в некоторых случаях, например, когда поступаешь на работу, на военную службу, ставишь на первое место военную жизнь — во всех этих случаях насильственных, в большей или

меньшей степени, мер избежать вряд ли возможно. Однако, если по этим соображениям вы с пренебрежением отнесетесь к моим словам, — которые ведь касаются того времени, когда вы станете на ноги и вступите в жизнь, — вас ожидают трудности.

И если, когда вы будете идти той дорогой, о которой я говорил, к тому, что сами считаете лучшим, что вам нравится, что приходится вам по душе; и когда вы, успешно добываясь этого, будете развивать свою индивидуальность, если вы забудете различия между собой и другими, у вас может появиться настроение вроде: "Затапу-ка я к себе в компанию любого, кто бы он ни был". Тогда, если у вас будет власть, между вами могут возникнуть такие же странные отношения, как между двумя этими братьями. А если у вас к тому же будут деньги, то, соря ими, вы станете кроить других по своему подобию. То есть, превратив деньги в орудие соблазна, вы, с помощью этого соблазна, будете изменять людей, чтобы они были такими, как вам нравится. Как ни посмотри, здесь возникает серьезная опасность.

И я обыкновенно думаю так: прежде всего, вам надо надежно занять такое место в жизни, где ваша индивидуальность могла бы развиваться, а если вы не будете смело идти вперед до тех пор, пока не обнаружите дело, которое точно вам подходит, это будет несчастьем всей вашей жизни. Но для того, чтобы иметь возможность настолько уважать свою индивидуальность, — если общество дает такую возможность, — разве не резонно, признавая индивидуальность и другого, уважать его склонности? Это представляется мне совершенно необходимым, и никак не иначе. Если моя природа такова, что я иду направо, а тот, другой, идет налево, то разве хорошо, что я считаю это абсурдным? Конечно, если возникают проблемы добра и зла, правды и лжи, включающие сложное сочетание различных элементов, то, безусловно, без помощи осторожного и скрупулезного анализа не обойтись. Но — в случаях, не связанных с такими проблемами, или, даже если связанных, но если эти случаи не представляют собой сложности, — нам остается только быть уверенными, что нужно предоставлять другим свободу в той же степени, в какой сам получаешь свободу от других, платя им равной мерой. В последнее время стремятся заявить о своем "я", своих взглядах кто во что горазд, не заботясь о формах их проявления, среди которых есть много довольно странных. Они могут сколько угодно говорить, уважая свое "я", что же касается чужого "я", они ничуть не признают его. И, коль скоро мы смотрим беспристрастным взглядом, исходя из мысли о справедливости, для меня не подлежит никакому сомнению, что развиваться самому ради собственного счастья и в то же время не предоставлять свободы другим — пельзя. Мы не должны без соответствующих причин чинить препятствия другим, когда они, во имя собственного счастья, развивают, как им вздумается, свою индивидуальность. Я сказал "чинить препятствия" потому, что

многие из вас в будущем займут места, на которых у них действительно будет возможность их чинить. Ведь среди вас будет много таких, кто сможет использовать силу власти, и — таких, кто сможет использовать силу денег.

В сущности, власти, не сопряженной с долгом, не должно существовать на свете. Таким образом, думается, если можно говорить о моем праве на то, чтобы все тихо слушали, когда я говорю с высокой трибуны час или два, то мне нельзя не говорить так, чтобы все слушали тихо. Даже если речь идет об обыкновенной лекции, то я должен и говорить, и выглядеть достаточно хорошо, чтобы заслужить ваше уважительное отношение. Однако сейчас я — гость, а вы — хозяйева, поэтому вам негоже было бы вести себя шумно, тут и говорить не о чем. Но это — лишь соблюдение внешних приличий, никак не связанное с вашим внутренним отношением, дань традиции, и, следовательно, не об этом сейчас речь. Попробуем взять другой пример. Бывает, что учителя ругают вас во время занятий. Однако, если и есть на свете преподаватели, которые ругаются, эти преподаватели, конечно, не годятся для такой профессии. Или — ругать, или — учить, не щадя сил, — третьего не дано. Потому что у учителя, имеющего право ругать, должна быть, следовательно, обязанность учить. Предположим, преподаватель вполне использует свое право для наведения порядка и поддержания дисциплины. Но вместе с тем, не отдавая всех сил исполнению своей обязанности, он не может по-настоящему заниматься преподаванием.

То же — с деньгами. По моему мнению, на свете не должно быть людей, которые, обладая такой силой, как деньги, не сознают своей ответственности. Коротко я могу сказать об этом следующее. Деньги — это чрезвычайно удобная вещь, их можно совершенно спокойно использовать для чего угодно. К примеру, я, играя на бирже, нажился на десять тысяч иен. На эти десять тысяч иен я могу построить дом, могу купить книги, а могу и прокутить их в веселых кварталах, — словом, могу превратить их во что угодно. А могу еще использовать их как средство для покупки человеческих душ. Разве это не страшно? Следовательно, соря деньгами, из них можно сделать орудие подкупа человеческой нравственности, развращения души человека. Если деньги, выигранные на бирже, могут представлять собой такую силу в вопросах нравственности и морали, то спрашивается: разве обязательно они должны применяться в недостойных целях?

Спрашивать-то спрашивается, а в жизни деньги заняты именно такими делами, и ничего с этим не поделаешь. Только человек, у которого есть деньги и который надлежащим образом чтит нравственность, сможет употребить эти деньги без ущерба для морали. Во всяком случае, он не собьется с пути, на котором можно избежать растления человеческих душ. Таким образом, я хочу сказать, что обладание

деньгами обязательно должно быть неразрывно связано с ответственностью. И если у вас сейчас такое большое состояние, и если вы будете впитывать в себя лишь знания о том, к каким результатам приведет использование этого богатства: так-то и так-то, в такой-то области, — и какое действие оно произведет, если в таком обществе обойтись с ними эдак, если вы не будете, в соответствии с этими знаниями, вкладывать свое состояние, руководствуясь ответственностью, — вам будет неловко перед людьми. Да и перед собой, наверно, тоже.

Попытаюсь подытожить то, о чем я говорил вам сейчас.

Во-первых, думая о развитии своей индивидуальности, уважай индивидуальность другого.

Во-вторых, думай об использовании власти, которую дает твое положение, помни об обязанностях, которые ей непременно сопутствуют.

В-третьих, желая показать силу своих денег, следует сознавать груз ответственности, которая с этим сопряжена.

Итак, все сводится к этим трем пунктам. Говоря то же другими словами, если человек не наделен в достаточной степени развитой нравственностью, такому человеку не стоит развивать индивидуальность, не стоит использовать власть, и деньги использовать тоже не стоит. Об этом же можно сказать еще так: чтобы занимающиеся тремя этими делами люди могли свободно наслаждаться ими, нужно, чтобы действиями этих людей руководил характер, который должен стоять за каждым из этих дел. Тот же, у кого характера нет, чересчур развивая свою индивидуальность, будет мешать другим, употребляя власть, попадет в злоупотребление ею, используя силу денег, вызовет разложение внутри общества. Это может привести к очень опасным явлениям. В будущем вам будет легче всех подступить к трем этим делам, поэтому сейчас вы, во что бы то ни стало, должны становиться прекрасными людьми, у которых есть характер.

Я немного отвлекусь от своего рассказа. Как вы знаете, Англия — это страна, где чрезвычайно чтут свободу. Но нет страны, где бы так соблюдали порядок, как там. По правде говоря, я не люблю Англию. Приходится вам об этом говорить: ничего не поделаешь, раз это правда. Наверное, во всем мире нет страны настолько же свободной, в которой, в то же время, был бы достигнут такой же порядок. Япония не идет с нею ни в какое сравнение. Но их свобода существует не сама по себе. Для того, чтобы, любя свою свободу, уважать и свободу другого, они с детских лет получают серьезное общественное воспитание. Поэтому свобода у них всегда сопровождается пониманием того, что такое долг. "England expects every man to his duty". ("Англия ожидает, чтобы каждый выполнял свой долг". — С. Б.). Смысл этих знаменитых слов Нельсона отнюдь не исчерпывается только той ситуацией, когда они были произнесены. В них выражена поко-

ящаяся на глубоком основании идея, которая развивалась у них вместе со свободой как ее обратная сторона. Они часто устраивают демонстрации своего недовольства, но правительство не вмешивается в это. Оно молча предоставляет им свободу действий. Но и демонстранты, отлично все понимая, не устраивают бездумно таких беспорядков, которые беспокоили бы правительство. И хотя из газет видно, что так называемые суфражистки в последнее время бунтуют слишком часто, — это можно назвать только исключением из правил. И хотя количество этих исключений стало уже слишком большим, их можно рассматривать все же только как исключения. В обычной жизни у англичанок не принято самим выбирать, за кого выходить замуж, чем заниматься; забыта и воспитанная с давних пор традиция уважения к женщине. Они рвут знаменитые картины, устраивают голодовки в тюрьмах, чем приводят в замешательство тюремных служащих, привязывают себя к скамьям в парламенте и начинают нарочно громко кричать. Это — очень неожиданные явления. Однако, возможно, эти странности происходят из-за того, что мужчины, по своей дальновидности, считают: что бы женщины ни делали, не стоит обращать на это внимания. Не могу сказать точно. Однако, каковы бы ни были эти причины, от этого остается впечатление ненормальности.

В общем, как я уже сказал, отличительная черта английского характера — любовь к свободе в той мере, в какой она нерасторжима с сознанием долга.

Я этим никак не хочу сказать, что надо копировать Англию, однако, думаю, что вообще свобода без сознания долга — не настоящая свобода. Потому что такая своевольная свобода совершенно не может существовать в обществе. Или, даже если она существует, другие будут обязательно преследовать и топтать ее. А я?

В свободе жаждете найти небывалое. И в то же время не перестаете желать того, что несовместимо с понятием долга. В этом смысле я хочу смело заявить: мой принцип — индивидуализм. Смысл слова "индивидуализм" должен быть правильно понят. Мне будет совсем уж непростительно, если я введу в заблуждение вас, молодых. Поэтому прошу сейчас особого внимания. Время нас начинает стеснять, поэтому я попытаюсь объяснить, насколько получится, коротко. Свобода личности сугубо необходима для развития индивидуальности, о которой я уже говорил. А развитие индивидуальности теснейшим образом связано с вашим счастьем. Я спрашиваю: разве не нужна нам такая свобода, когда, пока можно никак не стеснять друг друга, я беспрепятственно иду налево, а ты направо, — разве не хотим мы, имея ее сами, предоставить и другим? Это я и называю принципом индивидуализма.

Сила денег и сила власти сами по себе точно так же не предполагают злодейств вроде такого, например: если этот человек тебе не нравится — прикончи его! Или — если кто-то тебе не по вкусу — ату

его, бей его! Но что будет, если злоупотреблять ими? Тогда и человеческая индивидуальность полностью разрушается, у людей происходят несчастья от этого. Что, например, если инспектор прикажет полицейским окружить мой дом, сказав, что я не сделал ничего предосудительного, а просто не понравился правительству? Подобное зло, происходящее из-за того, что люди не могут понять индивидуализма с точки зрения морали, — это не что иное, как произвол, разрешающийся и посредством власти или денег, стремящийся захватить все.

Поэтому в индивидуализме, — в том индивидуализме, о котором я говорю, нет никакой опасности для государства, которую находит в нем обыватель. В моем толковании он заключается в уважении к существованию другого и — в то же время — в уважении к своему существованию. Думаю, что это прекрасный принцип. Говоря еще понятнее, это принцип правоты или неправоты безотносительно к партийности подхода. Это принцип, который позволяет, создавая партию или группу, избежать необдуманных действий, на которые могут толкать сила власти или сила денег. Поэтому-то оборотная сторона его таит в себе неведомую людям печаль. Ведь даже если речь идет не о партиях, поскольку я должен идти своей дорогой, и так, как я хочу, и в то же время не должен мешать другому идти той дорогой, по которой ему суждено идти, — иногда будет случаться так, что люди должны будут разойтись. А это печально.

Когда я служил еще в литературном отделе "Асахи-симбун"²⁰, кто-то (кто — не помню) написал недобрые слова о господине Миякэ Сэцурэй²¹. Это, конечно, не были личные нападки, но в том, что это была критика, сомневаться не приходится. Да и было там всего 2—3 строчки.

Когда это было напечатано, я, хоть и был ответственным, но, кажется, заболел или был уже болен. Впрочем, если бы даже и не был, возможно, одобрил бы выпуск этого материала. Как бы то ни было, эту критическую заметку поместили в литературном разделе "Асахи симбун", что вызвало гнев в "Нихон оёби нихондзин"²². Прямо ко мне они не обращались, но от человека, который работал тогда под моим руководством, потребовали поместить опровержение. "Шестерка" господина Сэцурэй... Впрочем, "шестерка" как-то странно звучит, по-шулерски, — в общем, человек, сказавшийся, кажется, его учеником, настаивал на публикации опровержения во что бы то ни стало.

Это была действительно сложная проблема, но критика есть критика, и тут уж ничего не поделаешь, ведь так? У меня не было другого выхода, кроме того, чтобы сказать: "Это его воля". Однако в одном из разделов "Нихон оёби нихондзин", который все-таки напечатал такое опровержение, из номера в номер стали появляться статьи, поливающие меня грязью, что еще больше встревожило людей. Я не вступил с ним в прямые переговоры, но всякий раз, когда слышал об

этом из чужих уст, настроение у меня делалось каким-то странным. Причина? Мне думалось, что, в противоположность действиям, основанным на индивидуализме, они действуют по принципу фракционизма.

В то время я в том отделе, в котором служил, печатал даже отрицательную критику на собственные сочинения, поэтому я был удивлен и озадачен, когда однажды кто-то из так называемых учеников стал угрожать мне, требуя, чтобы я не вздумал напечатать и слова критики в адрес Сэцурэй-сан. Я подумал: "Простите, но вы отстали от времени". И еще подумал, что они напоминают военный отряд из средневековья.

Однако, размышляя таким образом, я никак не мог избавиться от своего рода печали. Поскольку я думал, что с различием во взглядах даже в самой дружественной обстановке, при самых близких отношениях, ничего нельзя поделать, я, оказывая помощь молодым людям, приходившим в мой дом, не позволял себе зажимать проявление ими своих взглядов, если не было других серьезных причин. И я никогда этого не делал.

Признавая существование другого человека в такой степени, я и предоставлял другим достаточно полную свободу. Поэтому, как бы я ни был не по душе людям, каким бы оскорбленным мне ни приходилось себя чувствовать, я никогда не просил о помощи. В этом — печаль индивидуализма. Индивидуализм, прежде чем определить свое отношение к человеку как к объекту должен выяснить, на чьей стороне правда, решить, как действовать. Поэтому в некоторых случаях, оставшись совсем один, впадаешь в печаль. Это естественно. Ведь даже пленным спокойнее, когда они собраны в вязанку.

А сейчас хочу сказать несколько слов для того, чтобы предупредить еще одно недоразумение. В чем-то мысль о некотором противоречии между индивидуализмом и государственностью²³, хотя я коснулся ее, чтобы опровергнуть, не так уж абсурдна и случайна.

Вообще, я не очень люблю всяческие принципы и "измы" и считаю, что человека вряд ли можно взять и подогнать под какой-нибудь один принцип. Однако для того, чтобы объяснить, и тут уж ничего не поделаешь, скажу, что для меня скрывается под словом "принцип".

"Нынешней Японии никак не выжить без принципа государственности", — так поговаривают или думают (есть такие). Однако немало и таких, которые заявляют, что если будет погран принцип индивидуализма, то страна погибнет. Однако утверждения о том, что это неизбежно, нелепы, и о такой неизбежности никоим образом говорить нельзя. На самом деле у нас есть и государственность, и глобализм (*сэ-кайсюги*, букв. [все]мирность. — С. Б.) и в то же время есть и индивидуализм.

Конечно, принцип индивидуализма, соблюдение которого необходимо для счастья каждой личности, имеет своим содержанием свободу личности, но степень этой свободы, которой обладает каждый человек, должна, в соответствии со степенью благополучия государства, увеличиваться или уменьшаться, подобно показаниям термометра.

Возможно, лучше будет сказать, что эта теория вышла не из теории, а скорее из жизни, одним словом, так сложились естественные обстоятельства. Если государству угрожает опасность, круг свобод личности сужается, а во времена мира и спокойствия для государства свобода личности увеличивается. Это разумеется само собой.

Вообще, не должно быть таких людей, которые только потому, что у них есть индивидуальность, невзирая на то, гибнет государство или не гибнет, непомерно заботятся только о развитии своей личности.

К принципу индивидуализма, о котором я говорю, относится и предостережение против тех, кто после того, как пожар уже кончился, говорят о необходимости пожарной каски, против людей стеснительных, когда это и не нужно. Учитывайте это во всех размышлениях, пожалуйста.

К примеру, давно, когда я работал еще в котогакко, там был человек, создавший свое общество. Я забыл уже и его название, и на каких принципах именно оно основывалось, во всяком случае, выступало оно под лозунгом государственности. Конечно, это ни в коем случае не было плохое общество. Киносита Хироцуги-сан, бывший в то время директором школы, оказывал ему значительную поддержку. У всех в этом обществе на груди были медали. Хоть медали у меня, к сожалению, не было, тем не менее, я был принят в это общество. Поскольку я не был основателем, не был и согласен со многим у них. Главной мыслью, из-за которой я вступил в их организацию, была: "Авось, ничего страшного, если вступлю, не случится".

И вот, когда в большой лекционной аудитории проходила церемония открытия этого общества, в какой-то момент один из членов общества, поднявшись на трибуну, стал произносить что-то вроде речи. И хоть я и состоял членом этого общества, но со многим был не согласен и, насколько помню, как раз перед собранием весьма решительно критиковал его основные идеи. И вот сейчас, на открытии, прислушавшись к тому, что говорил тот человек, я обнаружил, что это возражения на то, что раньше говорил я, и ничто иное. Было это сделано сознательно или случайно, я не знаю, однако, получилось так, что я должен был возразить на это. Другого выхода не было, и я поднялся на трибуну вслед за тем человеком. Думаю, мое поведение и мои манеры тогда были ужасающими, и все же мне удалось высказаться немногословно. Возможно, вы спросите, что я сказал тогда. Это были очень простые вещи. Я говорил так: "Государство — это, возможно, прекрасно. Но, разумеется, мы не можем с утра до вечера твердить:

"государство, государство", — словно одержимые этой идеей. Возможно, и есть люди, считающие, что нельзя всю жизнь думать лишь о делах, но относящихся к государству, но никогда не может существовать человек, который так непрерывно думал бы об одной вещи. Торговец идет продавать свой *тофу*²⁴, конечно, не во имя государственных интересов. Основная проблема, которую ему надо решить, — как раздобыть средства к существованию. Но, снабжая общество необходимым продуктом, он, быть может, косвенно приносит пользу государству. И ест он три миски днем и четыре вечером, откровенно говоря, не во имя государственных интересов, а во имя интересов своего желудка.

Однако вовсе не обязательно это не оказывает косвенного влияния на державу. И даже — в большей или меньшей степени, это зависит от точки зрения, — на весь мир. Но искомым нами человек, если он действительно так думает, ест свой рис во имя государства, моет лицо и — о ужас! — посещает отхожее место тоже во имя государства. Нет, я не против того, чтобы восторгаться принципом государственности, но напускать на себя такой вид, что делаешь именно во имя государства то, чего не можешь не делать на самом деле, — это значит просто лгать.

Вот, приблизительно, что я сказал. Вообще говоря, в случае опасности для государства не останется ни одного человека, который не думал бы о благополучии страны. Понимание идеи государственности в стране неизбежно мало, если она не испытала страданий от больших войн и от насилия со стороны других стран. И не остается ничего другого, кроме как отметить, что вполне естественно, что для заполнения этой пустоты приходит индивидуализм. Нынче у Японии нет оснований для успокоенности. Страна наша, мало того что бедная, да еще и маленькая. Поэтому — кто знает, что может случиться? Имея все это в виду, нам всем просто необходимо думать о государстве.

Однако нынешняя Япония не из тех стран, которые вот-вот должны прийти к катастрофе или стоят перед лицом гибельных несчастий, поэтому и нет никакой необходимости постоянно поднимать этот шум: "государство, государство!" Это — все равно, что до того, как произошел пожар, наряжаться в пожарный костюм и в тревоге бегать по всему городу.

А когда это становится реальной проблемой — во время войны или если возникает сугубая опасность для существования страны — человек с думающей головой — человек, характер которого воспитан так, что он не может не думать, естественно, поворачивается в эту сторону. И, урезая свободу своей личности, ограничивает собственную активность, начиная жить для страны. Такого человека можно назвать совершенно естественным. Поэтому я уверен, что совершенно неправильно поспешные заявления вроде того, что эти два принципа всегда пахотятся в противоречии и постоянно взаимоуничтожаются. Я бы хо-

тел более подробно поговорить и на эту тему, но, поскольку времени нет, оставлю ее.

Однако есть еще одно, к чему я хотел бы привлечь ваше внимание: то, что называется государственной моралью, на мой взгляд, ниже уровнем, чем то, что называется индивидуальной моралью. Всегда, когда громко кричат: "Страна, страна!", — я думаю: об уважении принципов морали так громко никто не говорит. Все жульничают, плутуют, мошенничают, все запутывают. И если потому государство взять за норму и рассматривать его как единую группу людей, то придется успокоиться, удовлетворившись моралью весьма низкого уровня; но, если рассуждать, взяв за основу индивидуализм, уровень морали станет несравненно выше, поэтому именно так нужно рассуждать.

Поэтому мне, несмотря ни на что, кажется естественным и в спокойное для страны время все же придавать серьезное значение индивидуализму с его высокой моралью. Приблизительно так.

Из-за отсутствия времени сегодня я не могу говорить с вами дольше.

По вашему любезному приглашению я пришел сюда и, как мог, рассказал вам, которым предстоит жить индивидуальной жизнью, основное о принципе индивидуализма. Мне думается, когда вы вступите в жизнь, что-нибудь из этих сведений, возможно, вам и пригодится. Не знаю, понравилось ли вам, в результате, то, что я говорил. Если смысл чего-то был непонятен, это, думаю, произошло из-за того, что я недостаточно хорошо, а может, и просто плохо умею говорить. Поэтому, если какие-то места были неясными, не оставляйте их так, приходите, пожалуйста, ко мне, я всегда готов, насколько смогу, дать вам разъяснения. А если вы, не прибегая к таким затруднительным шагам, и так вполне поняли мои основные мысли, вы доставите мне этим небывалое удовольствие. Я занял у вас довольно много времени, прошу прощения.

Примечания

Нацумэ Сосэки (1867—1916, настоящее имя — Киносукэ, Сосэки — псевдоним), — безусловно, одна из самых значительных фигур в истории японской литературы Нового времени. Годы его писательской деятельности названы "годами Нацумэ", все его романы можно смело отнести к числу классических произведений этой литературы. Среди учеников Сосэки — Акутагава Гюносукэ (1892—1927). Лекция "Мой индивидуализм" — одно из наиболее часто упоминаемых в японском литературоведении нехудожественных произведений Нацумэ Сосэки. Она была прочитана в ноябре 1914 г. в Гакусюин, самом привилегированном учебном заведении Японии того времени, в котором учились дети из императорской семьи и из семей высокопоставленной знати. Опубликована лекция была 15 марта 1915 г. в журнале "Хошякай". "Мой индивидуализм" — одно из последних публичных выступлений Сосэки. Японский исследователь Комия Гоёкака называет эту лекцию, и не без оснований, "Подведением жизненных итогов" писателя.

На русский язык переведены пять его романов и повесть (Сосэки Нацумэ. Сердце. Л., 1935; Сосэки Нацумэ. Мальчуган. М., 1956; Сосэки Нацумэ. Ваш покорный слуга кот. М., 1960; Сосэки Нацумэ. Сансиро. Затем. Врата. М., 1973), к ним написано несколько

Японская литература нового времени

предисловий: его имя упоминается у нас во всех обзорных работах и курсах по японской литературе (см., напр., Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М., 1973. Он же. Японская литература. От "Кодзики" до Токутоми. М., 1974; История современной японской литературы. М., 1961; Краткая история литературы Японии: Курс лекций. Л., 1975; Григорьева Т. П. Японская литература XX века. М., 1983). Этим информация о Сосэки в советских исследованиях исчерпывается. Из этих весьма кратких очерков его жизни и творчества мы можем узнать следующее: родился он 9 февраля (по лунному календарю — 5.01) 1867 г. в Токио в семье городского старосты напуси, назвали мальчика Кинпоскэ. До десяти лет Нацумэ Кинпоскэ воспитывался приемными родителями. В 1890 г., окончив среднюю школу, он поступает на английское отделение филологического факультета Токийского имперского университета, диплом которого получает в 1894 г. Затем, проработав около полутора лет преподавателем английского языка в Токийском педагогическом институте, отправляется в глухую провинцию, в городок Мацуяма на Сякоку, где в течение нескольких лет преподает японский язык в школе. В 1900 г. министерство просвещения посылает его на обучение в Англию, в Лопдон, где Сосэки проводит больше двух лет. По возвращении, в 1903 г., он становится доцентом Токийского университета, в котором два года читает лекции по литературе, а в 1905 г. по просьбе своего друга, выдающегося японского поэта Такахама Кеси, пишет первый роман "Ваш покорный слуга кот", который сразу заставляет говорить о нем всю Японию. В 1907 г. Сосэки решает порвать с преподаванием и становится литературным сотрудником газеты "Асахи", т. е. профессиональным писателем. В "Асахи" один за другим печатаются почти все его романы, начинает публиковаться и последний роман "Мэйан" ("Свет и тьма"), который из-за смерти писателя 9 декабря 1916 г. остался неоконченным.

Изучение творчества Сосэки ставит исследователей перед проблемами, актуальными для японской культуры и литературы в целом. На наш взгляд, на сегодня некоторые из них, по крайней мере применительно к Сосэки, остаются нерешенными. Главный недостаток всех известных нам советских работ о нем — невнимание к форме произведения. Исследователи излагают фабулу романа или повести, характеризуют героев и предлагают свое толкование их поведения и мыслей, но ничего, или почти ничего, не говорят о поэтике и эстетике произведений, т. е. не говорят о Сосэки как о художнике, писателе "по преимуществу".

Это связано с кругом проблем, самая общая из которых — уже упоминавшаяся проблема соотношения в японской культуре традиционного и нового. В частности, для японской культуры, и, конечно, для Сосэки, были важны вопросы о том, что такое литература, кто такой писатель, каково его место в жизни общества. В какой степени писатель может и должен быть моралистом? Как должны совмещаться в его творчестве этическое и эстетическое, концептуальное и формальное? Как он может использовать в своих произведениях материал своей или чужой жизни?

На все эти вопросы японская и европейская традиции давали разные, иногда диаметрально противоположные ответы. Однако Сосэки — специалист в области английской литературы и знаток японской и китайской классики — пошел не по пути противопоставления этих традиций, а по пути их сочетания, взаимного обогащения. Судя по популярности его сочинений в Японии, ему удалось достичь в этом успеха. Но ответ на вопрос, в чем именно заключается успех, потребует новых исследований, посвященных, в частности, тому, как Сосэки отвечал на вопросы, перечисленные выше, в своих сочинениях, своим творчеством.

1. Гакусюин — учебное заведение для детей императорской и других знатных фамилий, открытое в 1877 г. В 1884 г. передано в ведение министерства двора. В 1885 г. женское отделение Гакусюина стало особым учебным заведением "Женская школа придворных". В 1950 г. на основе старших курсов Гакусюина был основан Университет Гакусюин, действующий и сейчас.

2. Сосэки страдал нервным расстройством. Японские исследователи классифицируют его болезнь как эндогенную депрессию.

3. Васэда — название места в районе Спидзюку (Токио).

4. Возможно, речь идет о цикле лекций, организованных отделом дискуссий Гакусюина, которым в то время заведовал Окада Масаюки — преподаватель, упоминаемый Сосэки.

5. Мэгуро — бывшее предместье Токио, вошедшее сейчас в городскую черту.

6. Бэнто — завтрак в коробке, который японцы обычно берут с собой из дому или покупают.

7. Мугимэси — ячменная каша с добавлением риса.

8. Мирип — сладкое сакэ (рисовая водка), которое часто используются для маринования.

9. Котогакко — повышенная общеобразовательная школа (до вуза), приблизительно соответствующая нашим старшим классам.

Нацумэ Сосэки. Мой индивидуализм (Пер. и ком. С. Х. Булацева)

10. Иё — название исторической провинции Японии, которой соответствует современная префектура Эхимэ.

11. "Боттяп" ("Мальчугап") — одно из первых произведений (1906) Сосэки. Эта повесть сразу завоевала у японцев огромную популярность, которой продолжает пользоваться и сегодня.

12. "Красная рубашка" — прозвище одного из героев повести "Боттяп" — учителя словесности. Сосэки в своем замечании иронизирует, поскольку "Красная рубашка" — герой отрицательный и несимпатичный читателю.

13. Кумамото — город в центральной части острова Кюсю, главный город современной префектуры Кумамото.

14. Нацумэ Сосэки провел за границей немногим более двух лет, он покинул Японию в сентябре 1900 г. и вернулся в январе 1903 г.

15. Бергсон Анри Луи (1859-1941) — французский философ.

16. Эйкен Рудольф (1846-1926) — немецкий философ, последователь Фихте.

17. Катакана — один из видов японской слоговой азбуки, который используется, в частности, для записи заимствованных слов и иностранных имен собственных.

18. См. примечание 2.

19. Цикл лекций "О литературе" ("Бунгакурю") впервые был прочитан Сосэки в Токийском имперском университете в сентябре 1903 г. В 1907 г. опубликован отдельной книгой.

20. Сосэки поступил на службу в "Асахи-симбун" в апреле 1907 г., а в ноябре 1909 г. стал заведовать литературным отделом. В октябре 1911 г. ушел с этой должности из-за болезни.

21. Миякэ Сэцурэй (1860-1945) — один из виднейших идеологов японского национализма, основатель Общества политического просвещения (Сэйкёся), выступавшего против каких бы то ни было заимствований из Европы. Автор работ "Правдивый, добрый и красивый японец" ("Синдзэмби нихондзин") и "Лживый, злой и страшный японец" ("Гиакусю нихондзин"), в которых была изложена позиция этого общества.

22. "Нихон оёби нихондзин" ("Япония и японец") — второе название (с декабря 1906 г.) издававшегося с апреля 1888 г. обществом Сэйкёся теоретического журнала "Нихондзин" ("Японец"). Миякэ Сэцурэй, с самого начала бывший "мозговым центром" журнала, в 1912 г. становится его главным редактором.

23. Слово *коккасюги*, которое мы переводим здесь как "государственность", может быть переведено и как "национализм", однако оно по сравнению с другим — *кокуминсюги* — является более нейтральным и менее употребительным обозначением этого понятия.

24. Тофу — соевый творог, японское национальное блюдо.

Перевод и примечания С. Х. Булацева